

Копытко Наталья Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Natalia Kopytko

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Belarusian Philology
and Foreign Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
natalia-kopytko@mail.ru

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В РОМАНЕ ДЖ. К. ОУТС «ПРОКЛЯТЫЕ»

SYNTHESIS OF NON-FICTION AND FICTION IN J. C. OATES'S NOVEL "THE ACCURSED"

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия факта и вымысла в современной англоязычной прозе на примере анализа романа американской писательницы Джойс Кэрол Оутс «Проклятые» (2013), в котором реальные культурно-исторические условия развития США начала XX века воссоздаются посредством готической образности, мистических мотивов и усложненной повествовательной структуры. Делается вывод о том, что автор широко использует экспрессивный потенциал псевдодокументальных форм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: синтез; документальное; художественное; жанровый эксперимент; литература США; Джойс Кэрол Оутс.

The article explores the topical issues of the interaction of fact and fiction in contemporary literature in English on the example of analysis of the novel *The Accursed* (2013) written by the US author Joyce Carol Oates. In this book the real cultural and historical circumstances in the development of the USA in the early 20th century are represented by means of Gothic imagery, the elements of mystery and a complex narrative structure. It is concluded that the writer makes a wide use of the expressive potential of pseudofactual forms.

Key words: synthesis; non-fiction; fiction; genre experiment; US literature; Joyce Carol Oates.

Современная литература все чаще обращается к художественным формам, которые объединяют элементы реальности и вымысла. Подобная тенденция обусловлена желанием писателей зафиксировать исторические события и социальные явления той или иной эпохи и осмыслить их сквозь субъективную призму художественного восприятия. Одним из ярких примеров такого синтеза является творчество североамериканской писательницы Джойс Кэрол Оутс (род. в 1938 г.), которая на протяжении десятилетий исследует границы между документальной правдой и художественным вымыслом.

Особенно примечателен в данном контексте роман писательницы «Проклятые» (*The Accursed*, 2013), действие которого разворачивается в Соединенных Штатах начала XX столетия. Он завершает обширный экспериментальный готический цикл, работу над которым Оутс начала еще в 1980 году, когда опубликовала готическую семейную сагу «Бельфлер» (*Bellefleur*). По словам самой писательницы, она стремилась создать «a highly complex structure in which individual novels (themselves complex in design, made of 'books') functioned as chapters or units in an immense design: America as viewed through the prismatic lens of its most popular genres» [1, p. 373].

В центре повествования романа «Проклятые» – Принстон, штат Нью-Джерси, реально существующий университетский город, населенный как персонажами, имеющими реальных исторических прототипов (среди них Вудро Вильсон, Марк Твен, Джек Лондон, Эптон Синклер и проч.), так и вымышленными, сконструированными в соответствии с определенными художественными задачами. Роман представляет собой попытку творческой реконструкции эпохи и глубокое размышление о человеческой природе, морали, социальном устройстве, власти и способах ее реализации.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов взаимодействия документального и художественного, а также их влияния на восприятие художественного текста читателем. В условиях постмодернистской культуры, где все большее значение приобретают эксперименты с формой, жанром и повествовательной структурой, анализ художественных приемов, сочетающих документальное и вымышленное, становится особенно значимым. Кроме того, роман Дж. К. Оутс – редкий пример обращения к американской истории через художественное осмысление в жанре «исторического ужаса», что также представляет научный интерес.

Синтез документального и художественного в литературе США конца XX – начала XXI века стал важным направлением, отражающим изменения в общественном сознании, культурных контекстах и литературных подходах. Этот период ознаменовался стремлением авторов исследовать реальные события и проблемы через призму художественного сознания, что способствовало появлению новых жанровых форм. Современные авторы часто создают гибридные формы, которые трудно отнести к какому-либо одному жанру. Эти произведения могут включать в себя элементы документального, художественного, а также визуальные и мультимедийные компоненты.

Синтез документального и художественного демонстрирует разнообразие подходов и форм, отражающих сложное взаимодействие между реальностью и вымыслом, которые авторы используют, чтобы глубже исследовать человеческий опыт, выражая свои мысли и чувства относительно социальных, культурных и политических вопросов. Синтез этих элементов не только обогащает литературный ландшафт, но и способствует более глубокому пониманию реальности, в которой мы живем.

Суть реализма начала XXI века определяется его превращением из направления в модель художественного творчества. Среди принципов реалистического письма, получивших наибольшее развитие, исследователи называют его психологизм, историзм, философичность и документальность. В результате взаимопроникновения элементов семейного и авантюрного, научно-фантастического и политического, детективного и философского романов изменяется и их жанровая специфика. Поворот от типического к индивидуальному повлиял, например, на жанр эпопеи и определил ее пристальный интерес к субъекту. Так, в литературе второй половины XX века, когда речь идет о произведениях, где центром пересечения сюжетных линий становится индивидуальное сознание, широко используется термин «субъективная эпопея» [2, с. 117].

Высокой степенью неоднозначности отличается вектор развития творческой манеры Дж. К. Оутс. В желании писательницы максимально объективизировать изображаемую ею действительность критики видят связь ее творчества с литературой «гневных» тридцатых и называют этот период «ее духовной родиной» [3, с. 338]. Такая точка зрения представляется вполне обоснованной, поскольку ранние романы писательницы действительно характеризуются глубоким интересом к социальным проблемам американского общества. То же можно сказать и о ее прозе второго десятилетия XXI века, хотя в ней преобладающим является стремление писательницы предельно индивидуализировать субъективный опыт персонажей, переживающих личные драмы и трагедии, посредством акцентирования эмоционального компонента ценностной картины мира своих героев.

Документальная проза в контексте современной художественной литературы представляет собой сложный и многоуровневый феномен, сочетающий в себе черты фактографического и художественного повествования. Ее двойственная природа позволяет соединить достоверность документальных источников с выразительностью художественных средств. Это делает жанр уникальной формой фиксации реальных событий и средством глубокого художественного осмысления действительности, отражающим как объективную, так и субъективную реальность.

Одной из основных особенностей документальной прозы является «соотношение первичной (жизненной) и вторичной (художественной) реальности» [4, с. 17]. Даже при значительной опоре на реальные события произведение сохраняет художественную ценность благодаря авторской интерпретации, поэтической образности, метафоричности и композиционной структуре. Читатель, взаимодействующий с документальным текстом, должен учитывать условность художественного образа, что формирует особую эстетическую установку восприятия, сочетающую доверие к фактам с готовностью к интерпретации и сопереживанию.

Функции документальной прозы многообразны. Информационная функция позволяет сообщать достоверные сведения о людях, эпохах и событиях, а эмоционально-психологическая обеспечивает передачу глубинного челове-

ческого опыта, раскрывая внутренний мир личности. В центре внимания оказывается фигура автора, чья субъективная позиция, отношение к описываемому и способ подачи материала придают произведению индивидуальность и актуальность. Пространственно-временная организация, система персонажей и стилистика «формируют целостный художественный мир, в котором документальное и вымышленное сосуществуют и взаимно дополняют друг друга» [5, с. 25].

Историческое развитие жанра в американской литературе демонстрирует его способность к адаптации и трансформации. От исторического и приключенческого романа XIX века документальная проза прошла путь к более сложным формам – романам-документам, мемуарам, романам-исповедям. Эрнест Хемингуэй, Трумэн Капоте, Норман Мейлер, Джойс Кэрролл Оутс и другие авторы использовали документальные приемы как способ фиксации реальности и одновременно создания глубоко личных и художественно насыщенных миров. Их произведения служат примерами удачного синтеза фактографии и художественности. По мнению российской исследовательницы М. Туровской, «строго фактическая книга Трумэна Капоте [*In Cold Blood*] содержит в себе больше для понимания того, что можно было бы назвать типическим преступлением нашего времени, чем содержат самые изобретательные вымыслы романистов, кино- и телестановщиков современной общедоступной криминалистики» [6, с. 130].

Роман Дж. К. Оутс «Проклятые» представляет собой уникальный пример синтеза документального и художественного начал в современной американской литературе. Будучи формально вымышленным произведением, он включает элементы исторической хроники, псевдоархивных источников, а также реальные исторические фигуры начала XX века. В результате создается особая повествовательная структура, в которой документальная достоверность и художественный вымысел не просто сосуществуют, а активно взаимодействуют, усиливая эстетический потенциал литературного текста.

Оутс активно использует жанровые признаки готического романа, элементы психологического триллера и прием ненадежного рассказчика для переосмысления американской истории и культуры. Ее цель состоит не в реконструкции прошлого, а в исследовании скрытых механизмов социальных, расовых и гендерных предрассудков, которые до сих пор оказывают негативное воздействие на развитие американского общества.

Документальный компонент романа реализуется прежде всего через форму исторической хроники, якобы написанной исследователем М. У. Уинтропом. В текст произведения включены многочисленные отсылки к архивным данным, письмам, газетным публикациям и личным воспоминаниям действующих лиц. Повествователь демонстрирует стремление к научной объективности, комментирует источники, приводит цитаты и пытается установить причинно-следственные связи между событиями. Такой подход имитирует структуру исторического исследования: *My goal is not to speculate, but to reconstruct, even with the help of the most tenuous evidence* [7].

Включение в романное действие реальных исторических персонажей придает повествованию черты документальности. Их образы опираются на данные биографий, но при этом подвергаются художественной интерпретации, что создает уникальный синтез факта и вымысла. Параллельно с документальными элементами в романе активно разрабатывается художественное пространство, насыщенное мифологическими и готическими образами. Данные образы создают атмосферу тревоги и мистического ужаса, олицетворяя глубинные социальные и исторические травмы.

Призраки, демоны, одержимость, таинственные исчезновения – все эти готические параферналии используются Оутс не ради эффектности, а как действенные художественные средства, позволяющие изобличить подсознательные страхи, чувство вины и скрытое насилие, укоренившиеся в культурной памяти американцев. Мифологизация событий позволяет автору выйти за пределы линейного времени и конкретной эпохи, придавая происходящему универсальное звучание. Художественное пространство романа становится полем сражения между реальным и сверхъестественным, с одной стороны, и между видимой респектабельностью и моральной деградацией влиятельных жителей Принстона, скрытой за фасадом цивилизованного общества, – с другой.

Авторская ирония, глубокий психологизм повествования и жанрово-стилевые особенности, характерные для литературы США начала XX века, также являются способами реализации художественного начала в данном произведении. Оутс стилизует язык романа под эдвардианскую прозу, варьирует регистры – от исторической точности до фантазмагорического повествования. При этом художественная составляющая романа не опровергает документальность, но подчеркивает ее ограниченность, указывая на то, что рациональный подход не способен передать все тонкости и полутона национального исторического опыта.

Ключевой особенностью романа является то, что документальное и художественное тесно переплетены в нем. Документальное начало вводит читателей в исторически достоверную атмосферу, формирует доверие, а художественное – подрывает это доверие, заставляя их сомневаться в правдивости описанного. Прием ненадежного рассказчика – один из основных способов такого синтеза. Невзирая на внешнюю педантичность, М. У. Уинтроп демонстрирует пристрастность, эмоциональную вовлеченность и даже самоиронию: *As a true historian, I must admit that there is nothing more questionable than memory. Especially the collective memory* [7]. Подобный конфликт между фактом и вымыслом вынуждает читателя критически воспринимать любую повествовательную форму, будь то архивные записи, хроника или художественное произведение.

Эта особенность романа позволяет Оутс дать глубокую социально-психологическую оценку того времени. Наиболее показательным в данном контексте является образ В. Вильсона – президента Принстонского университета, а затем 28-го президента США. В произведении он предстает как

высокомерный и авторитарный лидер, отстраненный от реальных человеческих проблем. Его позиция по вопросам расы и женских прав описана как предвзятая и консервативная: *He was a man whose belief in his own rightness knew no bounds, and whose inability to empathize was equally immense* [7]. В реальной истории он действительно известен своей политикой расовой сегрегации и такими неоднозначными высказываниями, как «The purpose of these measures was to reduce the friction. It is as far as possible from being a movement against the Negroes. I sincerely believe it to be in their interest» [8]. Оутс изображает Вильсона как символ «элитного зла» и институционального равнодушия.

Вместе с тем в повествование органично включается фигура М. Твена, который представлен как остроумный и проницательный наблюдатель, критикующий лицемерие общества: *If you don't read newspapers, you're not informed; if you do, you're misinformed* [7]. Этот образ дополняет портрет писателя как сатирика, активно выступавшего против социального и политического мракобесия. Оутс сохраняет этот критический дух, делая Твена голосом совести своего романа.

Образ Дж. Лондона построен на внутреннем противоречии: он одновременно харизматичен и агрессивен, импульсивен и склонен к самокритике: *I'd rather be ashes than dust! I would rather have my spark burned out in a bright flame than be smothered by rot* [7]. Эти слова отражают реальное кредо Лондона, написавшего: «The function of man is to live, not to exist. I shall not waste my days trying to prolong them. I shall use my time» [9]. В интерпретации Оутс он превращается в тип «опасного мессии», способного разрушить старый порядок, но не всегда имеющего конструктивную альтернативу.

Интересен и образ Э. Синклера: в романе он показан как искренний, но наивный идеалист, охваченный стремлением изменить мир. Его слова: *They were trying to save their souls – and who but a fool couldn't understand that all that was wrong with their souls was that they couldn't provide a decent existence for their bodies?* [7] – выражают гуманизм и критику социального неравенства. В реальной жизни Синклер писал: «“I aimed at the audience's heart, and accidentally hit it in the stomach,” commenting on the reaction to the novel “Jungle”» [10]. Опираясь на этот образ, Оутс показывает его как маргинального пророка – важного, но не услышанного.

Наряду с историческими персонажами значимую роль играют в романе и вымышленные герои. Одной из центральных фигур является Аннабель Слейд – молодая женщина, исчезнувшая в день свадьбы при таинственных обстоятельствах. В тексте она описана как символ подавленной женской сексуальности и стремления к свободе: *Annabelle, whose beauty was as dazzling as it was frightening, was gone, leaving behind only a whisper of fear and guilt* [7], образ героини апеллирует к архетипу «падшей женщины» и становится символом женской эмансипации и трагедии.

Элинор Слейд, одна из персонажей романа, представлена как решительная и умная женщина, противостоящая проклятию и тьме. В произведении она описана так: *Eleanor, with eyes full of determination, stepped into the darkness, bringing the light of reason into the abyss of fear* [7]. Ее образ можно сопоставить с женщинами-реформаторами начала XX века, например, с Элеонор Рузвельт, активно участвовавшей в общественной жизни страны.

Алиса Уиппл, другая героиня, – представительница прогрессивной части общества. Ее сострадание и стремление к социальной справедливости противопоставлены лицемерной респектабельности окружающих: *Alice, with a heart full of compassion, saw behind the façade of decency the suffering of those whom society preferred to ignore* [7]. Образ Алисы можно сравнить с героинями биографий прогрессивных женщин, таких как Джейн Аддамс.

Аделаида Берр – «матриарх» семьи, символ традиционного уклада, пытающаяся сохранить порядок в хаосе. Она показана как сильная, но сдержанная женщина: *Adelaide, holding back tears, kept the house in order, as if order could ward off the impending darkness* [7]. В ее фигуре угадывается викторианский идеал женственности, главной ценностью которого была стабильность семьи.

Сисси Уиппл, младшая сестра Алисы, воплощает образ невинности, которой грозит зло. Ее восприятие мира описано следующим образом: *Sissy, with eyes full of wonder, looked at the world that had suddenly become alien and frightening* [7]. Ее образ вызывает ассоциации с типажам детей из литературы о социальных катаклизмах – невинных и уязвимых перед лицом иррациональных сил.

Женские персонажи романа «Проклятые» представляют сложные и многогранные образы, сочетающие в себе черты исторических прототипов и литературных архетипов. Они активно вовлечены в противостояние между общественным давлением и личной свободой, между традицией и внутренней правдой. Их судьбы «help the author explore the theme of female experience in the context of history where women's voices were suppressed or distorted» [11, p. 155].

Встраивая в структуру романа реальные исторические фигуры наряду с вымышленными персонажами, Оутс достигает уникального художественного синтеза. Исторические персонажи в романе активно участвуют в развитии сюжета и символизируют определенные политические, социальные и культурные установки. Так, В. Вильсон воплощает лицемерие власти и расовый шовинизм, Дж. Лондон – опасный радикализм, М. Твен – ироническое разочарование в прогрессе, а Э. Синклер – утопический идеализм. Их образы, хотя и основаны на реальных биографиях, часто сатиричны и аллегоричны. В свою очередь, вымышленные персонажи наделены универсальными чертами, позволяющими воспринимать их как архетипы. Благодаря сочетанию реального и вымышленного роман приобретает историко-философскую глубину.

В романе Оутс «Проклятые» город Принстон начала XX века предстает как место, где реальность переплетается с мистикой, а внешнее благополучие скрывает глубокие социальные и нравственные проблемы. Его описание погружает читателя в атмосферу тревожного ожидания. Исчезновение Аннабель Слейд в день ее свадьбы становится катализатором сверхъестественных событий. Принстон, до того казавшийся оплотом порядка и стабильности, погружается в иррациональный хаос: *The shadow of ancient evil fell on the Slade house, and every inhabitant felt the cold wind of the past* [7]. Оутс мастерски создает топографию тревоги, где улицы, здания и даже университетская архитектура становятся метафорами внутреннего разлада. Университетские корпуса предстают как декорации мистического и морального крушения: *Princeton's towers rose like cathedrals dedicated to knowledge and at the same time to the burial of truth. Their stone held someone else's pain like an icy bed* [7].

Особенно выразителен контраст между этим художественным образом и тем, как город описывался в реальных газетах начала XX века. Архивные материалы, включая публикации в «Princeton Press» и «Princeton Packet», формировали в общественном сознании образ стабильного и социально прогрессивного места. В статье о праздновании Дня Поминовения в мае 1905 года описывается торжественная атмосфера: процессии, декламации студентов, участие в мероприятиях местных жителей. Начавшееся в том же году строительство озера Карнеги воспринималось как символ процветания города, а пресса отмечала как архитектурные инновации, так и образовательные реформы В. Вильсона.

Сопоставление этих двух перспектив позволяет лучше понять замысел Оутс. Если газеты объявляли об устойчивом прогрессе, то роман показывает скрытую тревогу, моральную деградацию и историческую амбивалентность. Так, Принстон становится в романе ареной столкновения рационального и иррационального, прогрессивных реформ и чувства вины. *This city seemed to stand outside of time, as if nothing could change its restrained grandeur. But there was darkness everywhere. In its roots. In its basements. In its blood,* – пишет Оутс, подчеркивая, что *academic greatness cannot stifle inner demons* [7].

Автор сохраняет архитектурные и топографические детали Принстона, включая Фицрэндольфские ворота, университетские капеллы, но наполняет их символическим смыслом. Город у писательницы – это текст в тексте, представляющий критику официального нарратива, в котором нет места страху, боли и несправедливости. Контраст между реальным и вымышленным городом делает его правду более многозначной, отражающей внутреннюю историю, которая живет в коллективной памяти народа.

Таким образом, роман Дж. К. Оутс «Проклятые» представляет собой литературное произведение, где синтез документального и художественного является концептуальной основой. Посредством слияния хроники и аллегории, факта и фантазии писательница создает полифоничную структуру, позволяющую одновременно осмыслить американскую историю и подверг-

нуть ее критической оценке. Документальное в романе подвергается художественной переработке, а художественное – становится способом существования более глубокой, «экзистенциальной», правды. Такое «синтетическое» повествование оказывается особенно актуальным в современном мире, где границы между реальным и вымышленным все чаще размываются, а художественная литература продолжает выполнять важную функцию социально-го и нравственного ориентира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Oates, J. C. Five Prefaces / J. C. Oates // [Woman] writer: occasions and opportunities / J. C. Oates. – N. Y. : E. P. Dutton, 1988. – P. 363–382.*
2. *Зеленцова, С. В. Импрессионизм в прозе: «В поисках утраченного времени» М. Пруста и «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина / С. В. Зеленцова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 5 (86). – С. 117–119.*
3. *Мулярчик, А. Оутс, Джойс Кэрролл / А. Мулярчик // Писатели США. Краткие творческие биографии / сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М. : Радуга, 1990. – С. 337–340.*
4. *Местергази, Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Местергази Елена Георгиевна ; ИМЛИ РАН. – М., 2008. – 50 с.*
5. *Романова, С. В. Своеобразие художественно-документального метажанра в современной русскоязычной литературе Беларуси / С. В. Романова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2020. – № 1. – С. 24–36.*
6. *Туровская, М. Герои «безгеройного времени» (Заметки о неканонических жанрах) / М. Туровская. – М. : Искусство, 1977. – 240 с.*
7. *Oates, J. C. The Accursed / J. C. Oates. – N. Y. : Ecco, 2013. – 688 p. – URL: <https://bookreadfree.com/12377/340819> (date of access: 12.08.2025).*
8. *Woodrow Wilson and Race in America. – URL: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/wilson-and-race-relations/> (date of access: 08.08.2025).*
9. *Quote by Jack London. – URL: <https://www.goodreads.com/quotes/346314-the-proper-function-of-man-is-to-live-not-to> (date of access: 08.08.2025).*
10. *McDowell, E. Sinclair's Jungle with All Muck Restored / E. McDowell // The New York Times. – Aug. 22. – 1988. – URL: <https://www.nytimes.com/1988/08/22/books/sinclair-s-jungle-with-all-muck-restored.html> (date of access: 08.08.2025).*
11. *Showalter, E. Sister's Choice: Tradition and Change in American Women's Writing / E. Showalter. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. – 208 p.*

Поступила в редакцию 02.09.2025